

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника.

Ты назвал мои руки грязными,
а теперь целуешь их!

Юнона Белова

**Игрушка жестокого наследника.
Ты назвал мои руки грязными,
а теперь целуешь их!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты назвал мои руки грязными, а теперь целуешь их! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Ева Морозова мечтала стать художницей, но в элитной Академии искусств бедной стипендиатке отвели место прислуги. Когда на картину дочери ректора случайно проливается кофе, виновной объявляют Еву. Максим Вольский, богатый наследник владельца галереи, публично унижает её и называет руки девушки грязными. Теперь под угрозой стипендия, семейный дом и лечение младшего брата. Но Ева узнаёт страшную тайну: испорченный шедевр может оказаться подделкой. Чтобы доказать правду и вернуть своё имя, ей придётся бросить вызов всей академии — и самому Максиму. Почему её жестокий мучитель вдруг становится защитником? Можно ли поверить человеку, который однажды растоптал твоё достоинство? И сумеет ли Ева снова рисовать свободно?

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника. Ты назвал мои руки грязными, а теперь целуешь их!

Глава 1

Воздух в выставочном зале «Академии Искусств» пах дорогим парфюмом, свежей краской и чужой уверенностью. Я чувствовала себя чужеродным элементом, как блоха на бархатной шторе. Мой свитер с катышками на локтях царапал кожу, а дешёвые ботинки скользили по отполированному до блеска мрамору. Но я здесь. Стипендиатка из Новороссийска, Ева Морозова, сто двадцать пятой строкой в списке первокурсников. Мне нужно было просто выжить этот вечер. Не привлечь внимания. Увидеть технику Киры Савельевой — дочери ректора, о которой гудел весь интернет, — и уйти. Тихо. Невидимо.

Я протиснулась между двумя студентами в идеально скроенных пиджаках. Локоть одного ударил меня в рёбра так, что перехватило дыхание.

— Извините, — прошептала я, прижимаясь спиной к холодной стене. Ворот свитера давил на горло; я оттянула его, но легче не стало.

Они даже не посмотрели вниз. Для них я была частью интерьера, пылью, которая случайно осела на их дизайнерские пальто.

Перед собой я видела её стенд. Кира Савельева стояла посреди зала, окружённая свитой, как королева, принимающая дань. Она держала в руке бокал шампанского, а её взгляд скользил по холстам с презрительной скукой. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть мазки на её главной работе — огромном полотне с абстрактными белыми линиями. Профессиональный голод был сильнее страха. Как она делает эти переходы? Где подмалёвок?

Кира резко повернула голову. Её глаза, цвета стекла в бутылке виски, нашли мои.

Она демонстративно закрыла свой холст рукой, словно защищая сокровище от заразы. Наклонилась к уху своей подруги, но говорила достаточно громко, чтобы слышали стоявшие рядом со мной:

— Смотри, нищета пришла нюхать воздух. Боюсь, она испортит нам кислород своим дыханием.

Подруга хихикнула, закрыв рот веером из ногтей с глиттером.

Щёки вспыхнули жаром стыда. Я отвела взгляд, уставившись на свои грязные подошвы, но внутри что-то щёлкнуло. Злость. Холодная, колючая злость. Посмотрю всё равно. Я сделала шаг вперёд, игнорируя толпу, пытаюсь проскользнуть мимо спин гостей.

И тут мир качнулся.

Кто-то в толпе толкнул меня в спину. Сильно. Грубо.

Моя рука, в которой я машинально сжимала стаканчик кофе, который купила на последние деньги перед входом (потому что дома не было ни чая, ни сахара), вылетела вперёд. Время замедлилось. Я видела, как тёмная жидкость срывается с края картонного стакана, летит через пустое пространство и... плюхается прямо на белый фон картины Киры.

Тишина стала оглушающей. Она давила на уши, как глубина моря.

Чёрное пятно расплзлось по холсту, как рана, как ожог. Капли кофе стекали по белой ткани, оставляя рыжие потёки.

Я замерла. Воздух вышел из лёгких.

Нет. Нет-нет-нет.

— ААА! — вскрик Киры был похож на звук ломающегося металла.

Она схватила меня за запястье. Пальцы впились в кожу так сильно, что я почувствовала, как лопаются капилляры. Завтра останутся синяки.

— Ты посмела?! — её лицо исказилось от ярости, красивое прежде, теперь гримаснирующее. — Миллионы рублей! Это уникальный холст! Ты уничтожила его!

Толпа вокруг начала доставать телефоны. Вспышки камер били по глазам. Я слышала шепотки: «Стипендиатка», «Бездомная», «Уничтожительница».

— Я... это случайность, — голос сорвался на визг. — Меня толкнули...

— Молчать! — Кира дёрнула меня на себя, чуть не повалив. — Полиция! Немедленно! Я требую исключения! Возмещения ущерба! Ты заплатишь за каждый грамм этой краски из своих карманов, если они вообще есть у таких, как ты!

Я чувствовала себя мышью под сапогом. Бесправной, жалкой, обречённой. Хотелось кричать, плакать, исчезнуть. Но ноги не слушались.

Из тени за колонной вышла фигура. Высокая, в чёрной водолазке, с лицом, высеченным из льда. Максим Вольский. Капитан нашего курса, сын владельца галереи; его боялись даже профессора. Он наблюдал за сценой с холодным интересом энтомолога, рассматривающего жука в банке.

Он подошёл ближе. Не к Кире. Ко мне.

Его серые глаза прошлись по моему лицу, затем по дрожащим рукам, покрытым кофейными каплями, и наконец остановились на испачканной картине.

Максим молчал несколько секунд, которые растянулись в вечность. Потом он произнёс. Громко. Чётко. Так, что слышал каждый телефон в зале.

— Искусство требует чистоты. Не только материалов, но и рук. Твои руки грязные, девочка. Они источают запах бедности и небрежности. Ты недостойна даже стоять рядом с этим холстом.

Это был не приговор. Это был плевок.

Он отвернулся от меня, как от мусора, и достал платок, вытирая руки, будто коснулся чего-то токсичного.

Шок был физическим ударом. Король академии выбрал сторону врага. Он не защитил справедливость, он добил меня публично, превратив мою ошибку в доказательство моей ничтожности.

Ректор, отец Киры, уже спешил к нам. Его лицо было багровым. Он скользнул взглядом по Максиму и поднятым телефонам, а остановился на мне. Мне даже не дали открыть рот.

— Охрана! — рявкнул он. — Вывести эту студентку из зала. Немедленно. Сохранность имущества важнее ваших истерик.

Двое мужчин в форме схватили меня под локти.

— Я не могу... мне нужно объяснить... — забормотала я, цепляясь ногтями за дверной косяк, пока меня тащили прочь.

Ноги скользили по мрамору. Я видела, как Кира улыбается в объектив телефона своего поклонника. Красивая, победоносная улыбка хищника.

Меня вытолкнули в коридор. Дверь захлопнулась, отсекая шум зала, музыку и унижение. Здесь было пусто. Только гулкое эхо моих собственных шагов и учащённое дыхание.

Я сползла по стене, приседая на пол. Руки тряслись так, что я не могла их унять. Теперь приостановят стипендию. Закроют доступ к мастерским. Домой возвращаться нельзя — там долги и больной брат.

Мимо прошли ректор с профессором и скрылись в соседней аудитории. Дверь не закрылась до конца; оттуда донеслись обрывки разговора. Я подняла голову, прижимаясь щекой к холодной плитке.

— ...опять купила репродукцию? — спросил один голос. Знакомый. Профессор истории искусств. — А я думал, оригинал...

— Тише! — шикнул второй голос. Ректор. — Если Вольский узнает, что его мать подделала сертификат подлинности ради рейтинга выставки, будет скандал. Девочка просто попала под горячую руку, спасая их шкуру. Кира знает про подделку, поэтому и орёт так громко. Страх разоблачения, понимаешь?

Я замерла.

Сердце пропустило удар.

Подделка?

Картина Киры была фальшивкой. И моё унижение, мой позор, слова Максима о «грязных руках»... всё это было не про искусство. Это было про страх. Они боялись, что кто-то увидит правду. И им нужен был козёл отпущения. Жертва.

Я.

Горечь во рту стала невыносимой. Мне стало легче? Нет. Наоборот. Хуже. Потому что я поняла: я не просто опозорена. Меня выставили виноватой, чтобы никто не присмотрелся к белым мазкам. А я ещё просила прощения.

Я встала. Ноги были ватными. Я подтянула сползший с плеча ремень сумки с учебниками и блокнотом. Она осталась при мне, хотя охранники едва не сорвали её, когда тащили к двери. В ней лежал карандаш, которым я рисовала ещё до того, как мир стал жестоким.

Я вышла через служебный вход. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь со слезами, которые я не разрешала себе проливать. Академия осталась позади, светлая, тёплая, полная людей, которые смотрели на меня как на грязь.

Я стояла под воротами, мокрая до костей, держа в руках единственный шанс на выживание — свой талант и свою злость.

Телефон в кармане завибрировал. Экран засветился в темноте.

Неизвестный номер. Сообщение.

«Если хочешь есть сегодня, приходи в подвал столовой через час. И захвати тряпку. — М.»

Я посмотрела на букву «М». Максим. Или мать?

Дождь усилился, смывая следы кофе с моих пальцев. Но запах остался. Горький. Запах падения.

Я набрала номер брата. Гудки шли долго.

— Алло? Ева? Почему ты не звонила? Банк... банк сказал, что кредит просрочен. Нам забирают дом. Что делать?

Голос брата был тонким, детским, полным ужаса.

— Всё будет хорошо, Дима, — сказала я. Голос звучал чужим. — Я найду решение.

Я повесила трубку. Посмотрела на сообщение от «М».

Подвал. Тряпка. Еда.

Сделка с дьяволом или последний шанс?

Я сунула телефон обратно в карман, развернулась и пошла обратно к черному ходу академии. Дождь бил в спину, но я не оборачивалась.

Пусть они думают, что я сломалась.

Я всего лишь учусь рисовать тенями.

Глава 2

Вчера я вернулась к подвалу столовой, как велело сообщение. Дверь оказалась заперта. Стучала, звонила на незнакомый номер — никто не ответил. Ночью кое-как согрелась в общезимней, так и не поев.

На следующее утро телефон вибрирует в кармане, как живой паразит. Экран светится в полумраке коридора деканата: «Брат». Три пропущенных от брата. Ниже — голосовое сообщение от врача с пометкой «срочно». Я смотрю на цифры баланса: 142 рубля. В голове звенит не от голода, хотя я не ела со вчерашнего дня, а от осознания безвыходности.

— Добрый день, — мой голос звучит чужим, скрипучим. — Мне нужно оформить аванс за будущие проекты или досрочную выплату стипендии. У меня экстренная ситуация.

Секретарь, женщина с усталым лицом и очками на цепочке, даже не поднимает глаз от монитора. Пальцы стучат по клавиатуре с ритмичной жестокостью.

— Ева Морозова? — она произносит мою фамилию так, будто это ругательство. — Статус «под следствием». Все финансовые операции заморожены ректором лично. Жалоба Савельевой рассмотрена приоритетно. Вы можете быть свободны.

— Но мне нужны деньги сейчас! Брат в больнице!

Клавиатура замолкает. Секретарь медленно поднимает взгляд. В её глазах нет жалости, только холодное раздражение бюрократа, которому помешали обедать.

— Охрана уже на пути сюда. Если вы повысите голос ещё раз, вас выведут силой. И тогда никакого расследования не будет — просто отчисление за нарушение общественного порядка.

Я чувствую, как внутри всё падает вниз. Система не игнорирует меня. Она активно блокирует каждый канал помощи, превращая мою жизнь в лабиринт с тупиками. Развернувшись, я бегу прочь, пока мои шаги не начинают отдаваться эхом пустоты.

Улица встретила меня резким октябрьским ветром. Я шла, не разбирая дороги, перебирая в голове оставшиеся варианты: банк отказал, деканат заморозил выплаты, общезимняя не кормит. Оставался один адрес, где меня когда-то знали не по списку должников.

Городская типография находится в трех остановках от академии. Там пахнет краской, горячим металлом и старыми книгами — запахами моего прошлого, когда я считала себя частью этого мира. Дверь открывается со скрежетом. За прилавком сидит Геннадий Петрович, человек, который брал меня на подработку верстальщицей два года назад, потому что ценил мой перфекционизм.

Он видит меня и бледнеет. Его взгляд скользит по моему лицу, затем быстро опускается к телефону в его руке, где открыта лента новостей с заголовком: «Звезда курса устроила дебош на выставке».

— Гена... простите, — я пытаюсь улыбнуться, но мышцы лица отказываются слушаться. — Мне нужна ночная смена. Любая. Хоть упаковщик, хоть уборщик бумаги. Просто час работы. Мне нужно срочно перевести деньги.

Геннадий Петрович снимает очки и трет переносицу. Пауза тянется вечность.

— Ева, ты же знаешь правила. У нас тут интеллигентная публика. Клиенты видят наши соцсети. А там... — он кивает на экран телефона. — Там пишут, что ты руки грязные. Что ты угрожаешь безопасности экспонатов. Я не могу рисковать репутацией. Прости.

Я смотрю на его очки: он держит их за дужку и всё трёт переносицу. Ещё не гонит, но и на меня не глядит. Гена, который доверял мне вёрстку, боится пустить меня к стопке бумаги. В его телефоне я уже не работница, а скандал.

— Пожалуйста, всего один час, — шепчу я, чувствуя, как горло сжимается спазмом унижения.

— Нет. Выходи, пожалуйста.

Дверь захлопывается перед моим носом. Холодный октябрьский ветер бьет в лицо, обжигая кожу. Я стою на тротуаре, глядя на серую мостовую, и понимаю: мир вокруг меня сжался до размеров клетки.

Я оторвалась от двери типографии и брела обратно, мимо пустых киосков и зажигающихся витрин, ни о чём не думая — думать было уже больно. Когда небо совсем потемнело, ноги сами привели меня к зданию академии: задерживаться на улице не было смысла.

Вечер опускается на академию тяжелым свинцовым одеялом. Я возвращаюсь в столовую ради тепла и хотя бы запаха еды. Мою карту заблокировали вместе со стипендией: войти ещё можно, расплатиться за ужин — уже нет. Здесь пахнет жареным мясом и тушеной капустой, и этот запах становится пыткой. Тошнота подкатывает к горлу, смешиваясь с физической болью от голода.

Очередь движется медленно. Студенты смеются, обсуждают вечеринку в главном холле. Они выглядят счастливыми, сытыми и защищенными своими деньгами и связями.

— Смотрите, кто-то потерялся, — громкий, звонкий голос заставляет всех обернуться.

Кира Савельева проходит мимо, окруженная свитой. На ней белоснежное платье, которое кажется слишком ярким для этого серого вечера. Она останавливается прямо напротив меня, преграждая путь. Люди в очереди замирают, ожидая казни.

— Твои руки, Ева, — Кира демонстративно показывает свои идеальные пальцы с маникюром. — Они такие... неухоженные. Видимо, после того как ты испортила мой шедевр, тебе пришлось мыть их в ведре с помоями? Или ты просто привыкла к грязи провинциального быта?

Хихиканье поддержки разносится по залу. Кто-то достает телефон, снимая сторис. Я чувствую, как щеки горят огнем стыда. Я хочу кричать, броситься на нее, ударить эти нарисованные губы. Но тело предательски слабеет от голода.

— Ты выглядишь как бездомная, — тихо добавляет Кира, наклоняясь ближе, чтобы слышала только я. — И именно так тебя запомнят все. Навсегда.

У телефона, направленного на меня, мигает красная точка. Если отвечу — выложат мой крик. Если промолчу — выложат, как я молчу. Кира улыбается: оба варианта её устраивают. Я молча отворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как сотни взглядов впиваются в спину, словно гвозди.

Я выскользнула из столовой через боковую дверь, чуть не опрокинув мусорное ведро. Слез не было — только гудение в ушах и пустота в желудке, с которой надо было что-то делать до утра. Обогнув здание, я вышла к служебному входу.

Администратор хозяйственной части, дядя Степа, курит у служебного входа. Он удивленно смотрит на меня, когда я прошу работу. Любую.

— Штат полный, детка, — он стряхивает пепел. — Но есть одно место. Подсобка, а потом можно мыть полы в холле. Дают еду и временный пропуск в общежитие на ночь. Без денег.

Это сделка с дьяволом. Я теряю остатки достоинства, становясь прислугой в собственном учебном заведении. Но выбор между гордостью и выживанием брата очевиден.

— Я согласна, — говорю я твердо.

Мой новый «офис» — главный холл академии, где сейчас гремит закрытая вечеринка мажоров. Музыка басами вибрирует в стенах. Я с тряпкой в руках протираю мраморный пол, стараясь не смотреть на танцующих. Каждый шаг — это предательство самой себя.

Вдруг чья-то нога задевает край ведра. Грязная вода выплескивается на дорогие кожаные туфли парня в смокинге.

— Какого хрена?! — рычит он, хватая меня за волосы и грубо разворачивая к себе. Боль пронзает кожу головы. — Извиняйся! Немедленно! Я пожалуюсь ректору, и тебя вышвырнут из города!

Я смотрю ему в глаза. Внутри кипит черная ярость, желание кусаться, драться. Но я вижу его рукав, который вот-вот ударит. И я делаю то, что ненавижу больше всего на свете.

Он отпускает мои волосы. Я молча кланяюсь. Глубоко, низко, до пола.

— Простите, — шепчу я, собирая воду тряпкой, глотая слезы и презрение к себе.

Именно в этот момент, стоя на четвереньках в луже своей собственной никчемности, я поднимаю глаза и встречаюсь со взглядом Максима Вольского. Он стоит в тени колонны, держа бокал шампанского. Он не смеется. Не отвращается. Он смотрит на меня с интересом хищника, который заметил раненую добычу. Его темные глаза фиксируют каждый мой жест: дрожащие руки, опущенную голову, слезу, которую я не даю упасть. Он не вмешивается. Он наблюдает. И от этого наблюдения мне становится еще хуже, чем от толчка парня.

Смену я дотянула на автомате, протирая один и тот же кусок мрамора. Когда гости стали расходиться, я свернула тряпку, оставила ведро в подсобке и скользнула в общий коридор мастерских — туда, где ночью не ходит никто.

После смены я прячусь в пустом зале мастерской, пока никто не заметил меня и не прогнал. Здесь темно, тихо и пахнет скипидаром. Я достаю из сумки кусок хлеба, который стащила из подсобки, и начинаю жевать механически, как животное.

Дверь скрипит. Я вздрагиваю, роняя крошки.

Максим входит, закрывая за собой дверь. Он не зажигает свет. Лунный луч падает на его лицо, выделяя резкие скулы и холодный блеск глаз. Он кладет на стол рядом со мной пачку сигарет и зажигалку.

— Ты пахнешь хлоркой и отчаянием, — говорит он ровно. Это не вопрос. Это констатация факта.

— Уходи, — огрызаюсь я, сжимая кулаки. — Мне не нужно твоё сострадание. Или насмешки.

— Это не насмешка, Ева. Это диагноз. Твой талант тонет в помоях, которые ты сама выбрала. И это... смешно.

Его слова бьют точно в цель. Я хочу крикнуть, что я не выбирала! Что у меня не было выбора! Но он знает. Он всегда знал.

— Ты думаешь, я сижу здесь, чтобы жалеть тебя? — он садится напротив, скрещивая ноги. — Нет. Я сижу здесь, потому что вижу, как ты горишь изнутри. И мне интересно, сколько времени осталось до того, как ты сгоришь полностью.

Тишина давит на уши. Он ждет. Я сжимаю хлеб в ладони; корка хрустит, и крошки сыплются на колени. Не уйду. Сначала доем — даже под его взглядом.

Я дожевала хлеб, стряхивая крошки с коленей, и вытерла руки о джинсы. Максим не двинулся. Ждать он умел лучше, чем кто-либо на свете.

Максим достает из кармана угольный карандаш и лист плотной бумаги. Кладет передо мной.

— Нарисуй меня, — приказывает он. — Таким, каким ты видишь прямо сейчас. Не красавцем. Чудовищем. Покажи, что я сделал с тобой.

Я смотрю на карандаш. Мои руки дрожат от холода и истощения.

— У меня нет сил, — говорю я хрипло.

— Сил нет, а злость есть. Используй её.

Он не уходит. Он просто сидит и ждет. Его терпение агрессивнее любого крика.

Я беру карандаш. Кончик касается бумаги. Первый штрих — линия челюсти. Второй — тень под глазами. Я не рисую портрет. Я рисую клетку. Рисую стены, которые он построил вокруг меня. Рисую холод, который он излучает.

Но по мере движения руки что-то меняется. Ярость уходит, оставляя место странному спокойствию. Я вижу не злодея. Я вижу одинокого человека, который сам загнал себя в ловушку цинизма, боясь показаться слабым.

Когда я заканчиваю, я смотрю на рисунок. Это не обвинение. Это зеркало.

Максим берет листок. Его пальцы скользят по бумаге, задерживаясь на глазах. Я сделала их усталыми, почти такими же, как мои в зеркале после смены.

— Ты увидела меня, — шепчет он. И впервые за всё время уголки его губ чуть приподнимаются. Это не улыбка. Это капитуляция.

Он снова смотрит на рисунок, потом на меня. Впервые за этот вечер мне не хочется опустить глаза.

Забираю лист, чтобы стереть ластиком лишнюю линию возле глаза. Теперь он смотрит прямо на меня. Возвращаю рисунок Максиму.

— Это не портрет, — говорю я тихо. — Это обвинение.

Максим складывает листок и убирает его во внутренний карман куртки, прямо над сердцем.

— Завтра в шесть утра. Закрытые фонды в подвале. Если опоздаешь хоть на минуту, я скажу ректору, что ты украла уголь из запасников.

Он поворачивается и идет к двери. Свет в мастерской меркнет, оставляя меня в темноте одну. Но в этой темноте впервые за долгое время я чувствую не страх, а азарт. Игра началась.

Глава 3

Подвал академии искусств пах плесенью, старой бумагой и чужими секретами. Я стояла перед тяжелой железной дверью, чувствуя, как холодный сквозняк забирается под куртку, продираясь до костей. Мне сказали приходить сюда, к «закрытым фондам», но никто не уточнил, что дверь в сам архив заклинит.

В предбаннике было темно. Из-за заклинившей двери не доносилось ни звука. Я отступила от неё, и шаги эхом разлетелись по пустому помещению. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его собственное биение в ушах. Страх? Нет. Злость. Холодная, расчетливая злость. Если это ловушка Киры, если они хотят сломать меня здесь, в темноте, то они просчитались.

Я вспомнила урок по выживанию в общежитии: никогда не паникуй перед закрытой дверью. Ищи слабое звено. Вентиляционная шахта в углу была узкой, ржавой и воняющей крысами. Но она была открытой. Без колебаний я вскарабкалась на ближайший стеллаж с книгами, оттолкнулась ногой и нырнула в черную дыру. Колено ударилось о металл, ладони ободрались о шершавую поверхность, но я ползла. На четвереньках, сквозь пыль и паутины, пока не услышала голос.

— Ты опоздала. Или ты слишком любишь драму, чтобы войти через нормальную дверь?

Голос был низкий, бархатный и абсолютно равнодушный. Максим Вольский сидел в центре зала на единственном стуле, освещенном лишь лучом света из прорехи в потолке. Он не удивился моему появлению из вентиляции. Он вообще ничему не удивлялся.

Я спрыгнула вниз, больно ударившись пятками. Пыль взметнулась вокруг нас, оседая на его безупречном пальто и на моих грязных джинсах.

— Дверь была заперта, — процедила я, стараясь не дрожать.

— Дверь перекосило три года назад. Я ждал, что ты найдешь способ войти.

Максим поднялся. Он был выше меня на голову, и в этой тесноте подвала его присутствие ощущалось физически, как изменение давления воздуха. Он не протянул мне руку для рукопожатия. Вместо этого он бросил мне в грудь лист плотной бумаги и кусок угля. Я едва успела поймать их, прежде чем они рассыпались по полу.

— Рисуй, — сказал он.

— Что?

— Докажи, что ты можешь видеть красоту в грязи. Твои слова о таланте — мусор. Я хочу увидеть руки.

— Ты издеваешься? — мой голос сорвался. Внутри все кипело от унижения. Меня лишили стипендии, брат лежит в больнице из-за стресса, а этот избалованный принц требует, чтобы я рисовала портрет, словно я цирковой медведь? — Мне нужно объяснять свою ситуацию, а не рисовать твою физиономию!

Максим посмотрел на меня так, будто видел пустое место.

— Слова — это мусор. Рисуй.

И я начала рисовать. Не портрет. Не пейзаж. Я взяла уголь и начала скрежетать по бумаге с такой яростью, что пальцы побелели. Я искажала черты. Глаза Максима стали звериными щелями, рот превратился в оскал клыков, а линия челюсти — в острую бритву. Это был не человек, это был хищник, который пожирал слабых ради развлечения. Черные линии ложились на белую бумагу, как шрамы. Когда я закончила, угольная крошка лежала на полу, как пепел после пожара.

Максим забрал лист. Он повертел его в руках, изучая каждую линию. Тишина длилась вечно.

— Технический садизм, — наконец произнес он, возвращая мне рисунок. — Гротеск вместо глубины. Детский сад. Ты боишься меня, Ева, поэтому рисуешь монстра. А где человек? Где слабость? Где правда?

Мои щеки вспыхнули от стыда. Я смяла лист в кулак, чувствуя, как уголь въедается в кожу, и бросила к столу. Поражение. Полное, тотальное поражение. Но взгляд упал на его рукав. Ткань была дорогой, матовой, итальянской шерсти, которую я видела только в журналах мод, которые украдкой читала в библиотеке. Цена одного такого пиджака равнялась всем долгам моего брата за пять лет. Гнев смешался с завистью и любопытством. Кто он такой, чтобы судить меня, сидя в подвале?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.